

ГЛАВА 1

— 1 —

Вообще-то я не собиралась замуж. На мой взгляд, женщина, появившаяся на свет в конце девятнадцатого века христианской эры, и без того находится в крайне печальном положении. С какой стати усугублять его, сажая себе на шею бестолковую особь мужского пола? Впрочем, это вовсе не значит, что порой я не предавалась мечтам о романтических свиданиях, — меня не меньше других влекло к представителям противоположного лагеря. Тем не менее встретить подходящего спутника я совершенно не рассчитывала, поскольку властвовать над супругом я желала не больше, чем подчиняться ему. По моему глубокому убеждению, брак — это увлекательная схватка двух равных по силе противников, но разве среди мужчин найдешь достойного соперника...

Я уже смирилась с тем, что меня ждет участь старой девы, когда неожиданно-негаданно познакомилась с мистером Рэдклиффом Эмерсоном. Наша первая встреча отнюдь не была окутана романтической дымкой, скорее уж ее можно назвать

— 5 —

скандалом. Никогда не забуду, как столкнулась в Каирском музее с бородатым типом. Синие глаза незнакомца так и метали молнии, а хриплый голос поносил меня за то, что я осмелилась смахнуть пыль с древней статуэтки. Разумеется, я дала бородатому нахалу достойный отпор, но в глубине души сразу поняла, что отныне наши жизни связаны навеки.

У меня имелось несколько весьма логичных и разумных причин принять предложение Эмерсона стать его женой. Прежде всего, Эмерсон был археологом, а я успела всем сердцем влюбиться в древнюю египетскую землю, в пирамиды, гробницы и прочие чудеса давно ушедших времен. Вскоре моя любовь к древностям расцвела пышным цветом. Во-вторых, Эмерсон оказался достойным соперником — его пытливый ум и острый язык, за который египтяне прозвали моего избранника Отцом Проклятий, пришлось мне по душе. И все же...

И все же, мой дорогой читатель, вовсе не эти причины заставили меня уступить притязаниям Эмерсона. Я не выношу штампы, но, увы, придется все же прибегнуть к одному из них. Дело в том, что этот несносный человек попросту вскружил мне голову...

Я дала себе слово быть в своих рассказах предельно откровенной и честной, поскольку не собираюсь публиковать их, по крайней мере при

жизни. Поначалу эти записки были личным дневником, в который дозволялось заглядывать лишь одному критику. Будучи самым близким мне человеком, критик этот имел возможность знакомиться с моими сокровенными мыслями, но его замечания по поводу стиля и содержания записок с каждым днем становились все более ехидными и насмешливыми, а потому в один прекрасный день я решила запирать дневник на ключ. Так что теперь мои мысли целиком при мне, и я отдаю их на суд потомков. Пусть наследники решают, стоит ли лишать мир столь ценного литературного труда. Возможно, записки эти навеки останутся никем не прочитанными...

Тогда к чему, спросишь ты, мой благосклонный читатель, это обращение к тебе? Ответ очевиден. Искусство не может существовать в пустоте. Вдохновению требуется аудитория. Писатель не способен проявить себя во всей красе, если беседует лишь с самим собой.

Надеюсь, теперь все стало ясно, а потому возвращаюсь к своему повествованию.

Не только Эмерсон вскружил мне голову, но и я вскружила ему. По современным стандартам меня нельзя назвать красавицей. К счастью, у Эмерсона в этой области, как и во многих других, довольно оригинальные вкусы. Цвет моего лица, который прочие люди находят чересчур смуглым, он сравнил с медом горы Гиметт. Мои

жесткие и черные как сажа волосы, которые наотрез отказываются заплетаться в косы и укладываться в благопристойные пучки, приводят его в совершеннейший восторг. А комментарии Эмерсона по поводу моего телосложения, которое слишком костляво в одних местах и чересчур... гм... одарено в других, нельзя воспроизвести даже в этих предельно откровенных записках.

В отличие от моей скромной персоны, Эмерсон — писанный красавец по самым строгим канонам.

При росте в шесть футов с хвостиком его могучее тело, благодаря энергичной жизни археолога-практика, сильное и гибкое, как у юноши. Мускулистые руки и точеное лицо приобрели под лучами щедрого египетского солнца золотистый оттенок, что еще больше подчеркивает пронзительную синеву глаз. После того как Эмерсон, по моему настоятельному требованию, сбрил бороду, на его подбородке обнажилась чудесная ямочка. Эмерсон предпочитает именовать ее впадиной, но, поверьте, это самая настоящая ямочка. А темные, густые и удивительно мягкие волосы моего избранника на солнце отливают тициановской рыжиной...

Но хватит об этом! Достаточно сказать, что положение замужней дамы оказалось довольно занятым, и первые годы нашего брака вполне соответствовали моим приятным ожиданиям. Зимы провели в Египте, днем занимаясь раскопка-

ми, а ночами уединяясь в пустой гробнице. Летом отправились в Англию, где наслаждались обществом Уолтера, брата Эмерсона, и Эвелины, моей дорогой подруги, которая доводится Уолтеру женой. Словом, жизнь была на редкость приятной и беззаботной, пока...

До сих пор не могу понять, почему столь умная и предусмотрительная женщина, как я, не сообразила, что замужество подразумевает и кое-что другое. Разумеется, я имею в виду материнство.

Осознав, что очутилась в интересном положении, я не слишком смутилась. По моим расчетам, ребенок должен был родиться летом, так что я успевала завершить очередной египетский сезон, быстренько провернуть дело с родами и осенью вернуться к раскопкам. Так оно и вышло. Нашего отпрыска, которого в честь дяди называли Уолтером, мы оставили на попечении этого достойного джентльмена и его ласковой жены, а сами отправились в Египет.

Вина за то, что последовало дальше, лежит не только на ребенке. Откуда мне было знать, что очередная встреча с сыном следующей весной вызовет у Эмерсона приступ слабоумия? Мой ненаглядный супруг принялся с утра до вечера сюсюкать, непрерывно выдумывать самые нелепые прозвища и наотрез отказался расставаться со своим чадом. Наш сын в конце концов получил прозвище Рамсес — он был столь же требователен

и несговорчив, как и самый высокомерный из древнеегипетских богов-фараонов. Кроме того, дитя пугало своей чрезмерной развитостью. Об этом поведала одна моя знакомая, когда Рамсес в возрасте четырех лет прочитал ей лекцию о методах раскопки навозной кучи, причем навозная куча находилась как раз в саду моей приятельницы. Помнится, садовника тогда чуть не хватил удар. В ответ я заметила, что это не совсем точное определение. Приятельница испугалась, что обидела меня, но я лишь хотела сказать, что слова «чрезмерная развитость» не в полной мере отвечают действительности. Нашего сына следовало назвать катастрофически развитым.

Несмотря на любовь к сыну, Эмерсон чахнул в унылом английском климате. Я имею в виду не только погоду, но прежде всего бесцветную монотонность академической жизни, на которую мой муж обрек себя. Он объявил, что не поедет в Египет без Рамсеса, но и не собирается рисковать здоровьем мальчика в этой кишащей микробами части света. И лишь мольба одной вертихвостки (которая, на мой пронизательный взгляд, была отъявленной лицемеркой и интриганкой) оторвала наивного папашу от Рамсеса. Как только мы ступили на египетскую землю, я увидела, как вспыхнули глаза Эмерсона, и дала себе слово, что отныне не позволю ему приносить себя в жертву семейным обязанностям.

Мы дружно решили, что на следующий год возьмем Рамсеса с собой, но в силу некоторых огорчительных событий я получила возможность отложить это удовольствие. Мою милую подругу Эвелину, успевшую к тому времени без каких-либо усилий произвести на свет четырех здоровых ребятишек, постигло два разочарования подряд (так она это называла). Второй выкидыш поверг ее в состояние глубокого уныния. По непонятной мне причине (возможно, вследствие небольшого душевного расстройства) Эвелина вбила себе в голову, что общество нашего сына — лучшее из лекарств, и залилась слезами, когда мы объявили, что забираем его с собой. Уолтер присоединился к мольбам жены, уверяя, что веселые проделки Рамсеса отвлекут Эвелину от мрачных мыслей. А вот в это я поверила с легкостью, поскольку требуется предельная концентрация внимания, чтобы помешать Рамсесу произвести широкомаштабные разрушения сада и окрестностей, которые он называет «раскопками». Пришлось уступить мольбам дяди и тетки. Я была, как всегда, любезна, а Эмерсон, как обычно, невоздержан в словах.

Когда мы вернулись из Египта, Рамсес настолько освоился в замке Элсмир, что я не видела причин что-либо менять. И хотя было понятно, что столь удобное положение вещей не может продолжаться вечно, я решила до поры до времени об

этом не думать. «Довольно для каждого дня своей заботы», как сказано в Писании.

И этот день наступил. На третьей неделе июня. Я трудилась в библиотеке, пытаясь привести в порядок записи Эмерсона, вернее, мне казалось, что я с головой погружена в такую захватывающую тему, как гробницы Восемнадцатой династии, как вдруг обнаружила, что рассеянню глазею на сад. Стоял чудесный летний день, в воздухе витал пьянящий аромат роз: цветочные клумбы этим летом пребывали в идеальном состоянии. Никто не вытапывал и не выдергивал с корнем цветы с целью преподнести букет слугам или собакам. Зеленая лужайка перед домом не была обезображена глубокими ямами и кучами земли. Никогда еще наш сад не выглядел столь ухоженным. Надо сказать, переезд в этот дом совпал с великим событием: Рамсес начал ходить. И не только ходить, но и ковыряться в земле...

Я погрузилась в нежные воспоминания, начисто позабыв о работе. Отвлек меня стук в дверь.

Наши слуги приучены стучаться, прежде чем войти. Пусть это и прихоть, лишний раз подтверждавшая опасения соседей, что мы дикие и эксцентричные субъекты, но я не понимаю, почему состоятельные люди не имеют права, подобно беднякам, побыть наедине с самими собой. Когда мы с Эмерсоном работаем или уединяемся в спальне, нам совсем не хочется, чтобы рядом мельтешил кто-то

еще. Стучаться можно только один раз. Если никто не отвечает, слуга тихонько уходит.

— Войдите, — откликнулась я.

— Телеграмма, мадам, — сказал Уилкинс, ковыляя ко мне с подносом.

Уилкинс — крепыш и здоровяк, но предпочитает передвигаться походкой столетнего инвалида, чтобы его не попросили сделать лишнее. Я взяла телеграмму, и крылья недоброго предчувствия накрыли меня зловещей тенью. Дрожащим голосом (дрожь эта вызвана теми же причинами, что и ковыляющая походка) Уилкинс спросил:

— Надеюсь, дурных вестей нет, мадам?..

— Нет... Напротив, новость очень хорошая. Завтра, Уилкинс, мы едем в Элсмир. Я попросила бы вас сделать необходимые приготовления.

— Да, мадам. Прошу прощения, мадам...

— Да, Уилкинс?

— Вы вернетесь с маленьким господином, мадам?

— Возможно.

По лицу Уилкинса промелькнула тень ужаса. Правда, надолго она не задержалась — наш дворецкий знает, как надлежит себя вести.

— Это всё, Уилкинс, — сочувственно сказала я.

— Да, мадам. Спасибо, мадам. — Он, покачиваясь, направился к двери.

С тоской бросив последний взгляд на прекрасный сад, я вернулась к своим трудам и полностью погрузилась в работу. Вскоре вернулся Эмерсон.

Вопреки обыкновению, он не стал нежно обнимать меня, а, пробормотав слова приветствия, швырнул на бюро кипу бумаг. После чего уселся за свой письменный стол, стоящий рядом с моим.

Эгоистичная супруга могла бы отпустить пару шутивых замечаний по поводу его озабоченного вида и потребовать привычной порции невербальных приветствий. Я же лишь взглянула на его новые записи и сдержанно заметила:

— Значит, твоя датировка черепков совпадает с таблицей Питри?* Это в конечном счете позволит сэкономить время...

— Нет! — буркнул Эмерсон, яростно скребя пером по странице. — Мы безнадежно отстаем от графика, Пибоди. С этого дня будем работать день и ночь. Больше никаких прогулок по саду и светских приемов, пока не закончим рукопись.

Я не решилась сказать о том, что, по всей вероятности, у нас скоро появится занятие, которое потребует куда больше времени, чем светские приемы и прогулки. Слова Эмерсона подтверждали мои недобрые предчувствия. Большинство археологов обычно публикуют результаты своих работ лет этак через десять, если вообще публикуют, и на дьявольскую спешку моего мужа могло толкнуть лишь какое-то чрезвычайное событие.

* Питри Уильям (1853–1942) — английский археолог, начавший систематическое изучение пирамид.

— Ты сегодня встречался с Питри?

— М-м-м, — отозвался Эмерсон, продолжая терзать бумагу.

— Полагаю, он готовит собственную публикацию на эту тему.

Эмерсон швырнул перо через всю комнату. Глаза его сверкали.

— Дьявол! Проклятье! Питри уже закончил! На следующей неделе он отдаст книгу в типографию. Можешь себе представить?

Питри, блестящий молодой археолог, был для Эмерсона объектом яростной ненависти. У них много общего: приверженность к порядку и методу в археологии, презрение к отсутствию порядка и метода у других археологов и манера публично выражать свое презрение. Подобное единодушие могло бы сделать этих двоих друзьями, но, увы, они стали соперниками. И только мистер Питри и мой Эмерсон имели обыкновение печатать результаты в течение года. Со временем эта привычка превратилась в нелепое состязание, демонстрацию мужского превосходства на интеллектуальном уровне, хотя подобное соревнование вредило работе, приводя — по крайней мере в случае Питри — к появлению небрежных научных трудов.

Именно об этом я и сказала, надеясь успокоить своего мужа:

— Дорогой мой, Питри, конечно, человек блестящего ума, но он не мог написать хорошую

работу за столь короткое время. А что важнее — качество или дата публикации?

Разумный довод, как ни странно, не произвел должного эффекта.

— Все важно! — взъярился Эмерсон. — Где, черт побери, мое перо? Я не могу терять ни мгновения!

— Ты швырнул его в бюст несчастного Сократа, и теперь у бедняги такой вид, словно его поразила корь.

— Твой юмор, если эти жалкие потуги можно так назвать, совершенно неуместен, дражайшая моя Пибоди. Не вижу ничего смешного!

Пибоди — это моя девичья фамилия. Эмерсон с самого первого дня знакомства стал звать меня просто Пибоди, не утруждая себя вежливым обхождением. Бедный, он надеялся досадить мне своей грубостью, но добился обратного: ведь меня принимали на равных. Позже это фамильярное обращение, освященное нежными воспоминаниями, стало символом гармонии в нашем семействе. По той же трогательной причине мой муж предпочитает, чтобы к нему я тоже обращалась исключительно по фамилии.

От попыток развеселить Эмерсона пришлось отказаться. Остается выложить новость, а там будь что будет.

— Сегодня днем я получила от Эвелины телеграмму. Мы должны немедленно ехать в Элсмир.